

Дискуссия о существовании поэта вне контекста произошла у меня с прекрасным поэтом Максимом Амелиным. Спорили мы о Михаиле Елизарове, который в 2020 году получил Григорьевскую премию. Тут дело вот в чем: Елизаров пишет прозу и пишет песни – однако тексты песен, представленные в подборке, убедили жюри дать ему высший балл. И нередко приходилось слышать в связи с этим, что поэт может существовать исключительно

в определенном литературном контексте. А тут никакого контекста, только голый корпус рифмованных строчек, которые писались, чтобы быть положенными на музыку.

Ключевой вопрос: важно ли это?

В сущности, это любопытный вопрос и вне обсуждения Елизарова. На открытии XX Международного литературного форума молодых писателей поэт и критик Константин Комаров произнес любопытную фразу: «Никакие лайки в соцсетях не заменят легитимизации в литературе, и “Липки” позволяют ее получить».

Фраза эта интересна тем, что здесь пересекаются понятия «литература» и «литературный процесс». Литературный процесс, безусловно, есть понятие, данное нам в ощущениях. Это печатные издания, профессиональные порталы, форумы, мероприятия, определенный круг людей, наконец. Для успешного существования в нем, разумеется, требуется определенная легитимизация. Получить ее талантливому человеку несложно, но это требует все же некоторых усилий, скорее социальных, чем литературных, если ты не связан с этим кругом с юности.

Хотя бывают и золушкины истории: никогда не публиковавшийся автор присылает в издательство рукопись, а та выстреливает, после чего литературный процесс сам всасывает этого автора. Так, например, получилось, когда в шорт-лист прошлогоднего «Нацбеста» вошел роман «Четверо» молодого писателя Александра Пелевина, совершенно незнакомого с миром писательских форумов и толстых журналов.

Функция, которую выполняет литературный процесс, – это формирование среды и направлений. На прозе это сказывается в меньшей мере, на поэзии – пожалуй, в большей. Практически любого пишущего автора можно причислить к той или иной школе. И речь не только о современности –

это вся история русской поэзии, хоть и не без некоторых оговорок.

Но вот возьмем Всеволода Емелина, уже практически забронзовевшего классика. У него удивительная история прихода в литературу: одна публикация в 1989 году, одна в 1991-м – и десять лет молчания. То есть он писал стихи, но писал их в стол. Толстые журналы его печатать не хотели. Только в 2001 году большая его подборка вышла в «Независимой газете» – и вот Емелин начал проявляться в русской литературе. При этом он массово известен, лауреат ряда премий, но все равно как бы стоит немного в стороне от литературного процесса как явления.

И здесь, конечно, интересный вопрос: существовал ли поэт Емелин в девяностые годы, когда он писал стихи, а их не публиковали? Безусловно, если рассматривать поэта непременно как контекстуальное явление, то ответ отрицательный. Однако в абсолютном смысле его стихи существовали, и в абсолютном смысле Емелин поэтом, конечно, всегда был.

Вернемся к тезису Комарова о легитимизации в литературе. Скорее всего, в данном случае речь идет скорее о легитимизации в литературном процессе. Дело в том, что в век сетевых публикаций яркому и талантливому человеку достаточно сложно остаться незамеченным, пропасть без вести со своими текстами, таким образом, действительно не войдя в русскую литературу. Как если бы, например, Емелин в двухтысячном попал под машину – и никто, кроме нескольких друзей, не узнал о его стихах.

И таким образом мы приходим к еще более широкому вопросу: допустимо ли включать в понятие современной литературы тот корпус текстов, что находится за пределами литературного процесса?

Возьмем тему, вокруг которой любят ломать копыта: сетевую поэзию. Даже не Верочку Полозкову, Бог с ней,

она себе уже всю возможную легитимизацию обеспечила и даже в «Арионе» напечаталась. Но авторов, которые публикуются преимущественно в социальных сетях (раньше – ЖЖ, сейчас – «ВКонтакте», «Фэйсбук», даже, извините, «Инстаграм»), – сотни, если не тысячи. Безусловно, на слуху преимущественно неудачные примеры – вроде Ах Астаховой. Это не значит, что талантливых авторов там нет. Но они одиночки. Самородки такие.

Еще одно явление – слэмовая, или барная, поэзия, когда авторы в основном выступают вживую. В качестве очагов такой поэзии можно привести, например, ЛитПоны Арса-Пегаса в Москве и чемпионат Маяковского Джамилы Ниловой в Санкт-Петербурге, хотя это только парочка наиболее известных и, будем честны, держащих определенный литературный уровень. Это очень любопытные мероприятия – и с литературной точки зрения тоже, но не только.

Рассматриваемое явление – поэтическая декламация. Декламировать собираются на регулярной основе в каком-то месте. Внутри движения формируются определенный пул поэтов и даже какое-то количество регулярных зрителей. Именно зрителей, не слушателей: это, повторим, скорее шоу. И это, в общем, тоже несколько снижает поэтический уровень участников – но и здесь встречаются интересные авторы. И опять-таки они одиночки-самородки.

Кстати, местами эти явления могут пересекаться, но не массово. Например, питерская поэтесса Ира Ульянова ведет крупный поэтический паблик и при этом она довольно успешный декламатор. А Джамиле Ниловой участие в «барных» концертах не мешает ездить на форумы и печататься в толстых журналах.

Или вот песенная (или околосесенная) поэзия: это такая ложноножка бардовского движения. То есть написал

бард песню, смотрит – а текст вполне сам по себе можно глазами читать. Или пишет не только песни, но и стихи, но преимущественно известен как бард и не видит смысла получать «легитимизацию в литературе» – у него и так есть своя аудитория. Это, кстати, случай упомянутого Елизарова, но далеко не только его.

Есть Дмитрий Вагин, есть Павел Фахртдинов – это довольно большая страта. Из тех, кстати, кто успешно «легализовался», начиная как бард, можно вспомнить Анну Герасимову (Умку), что, в сущности, подтверждает тезис, что талантливому человеку очень легко войти в литературный процесс при некоторых социальных усилиях. Здесь есть своя специфика: талантливому человеку с гитарой проще добиться успеха и признания, чем талантливому человеку без гитары, поэтому действительно с ходу можно назвать несколько имен действительно интересных авторов.

Ну и так далее.

Кто из них останется в истории? На уровне людей, скорее всего, два-три человека, может, десяток, причем неизвестно, из какого контекста, и вряд ли мы сейчас гарантированно их угадаем. На уровне же литературоведения вполне возможно, что будущие студенты Литинститута будут изучать расцвет да хоть той же приснопамятной сетевой поэзии в начале двадцатого века. Хотя бы потому, что раньше ничего подобного не существовало, это при нас зародившийся феномен.

Да, возвращаясь к началу: вопрос поэтического контекста – это фактически вопрос о принадлежности к литературе. Но непонятно, считать ли литературой то, что находится вне литературного процесса. Не явления, не всю массу, скажем, сетевых или «барных» поэтов, но пресловутых талантливых одиночек. Они могут иметь какую-то аудиторию, могут ее практически не иметь, но

ведь они существуют, более того, зафиксированы всемогущим гуглом как существующие. Что с ними делать?

Поэтому я для себя снимаю в принципе вопрос о контексте, рассматривая поэта, хотя часто это бывает и сложно. Но поэт значит меньше своего текста, а поэтическое важнее человеческого.